

БЕЛОРУССКАЯ КНИГА КАК УНИВЕРСУМ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЛАРИСА ДОВНАР

Белорусский государственный университет культуры и искусств
Кафедра теории и истории информационно-документных коммуникаций
ул. Рабкоровская 17, Минск, 220007, Республика Беларусь
E-mail: loradounar@gmail.com

Основной целью статьи является выявление феномена белорусской книги в контексте аксиологической концепции, определение основополагающих составляющих белорусской книги как универсума национальной культуры, позволяющих охарактеризовать её общие и специфические черты и представить белорусскую книгу как мысле-образный код национальной культуры, тесно связанный с менталитетом нации, её языком и письмом.

Ключевые слова: белорусская книга, национальная культура, универсум, книжная культура, письмо, язык.

Сегодня, определяя наиважнейшие характеристики книги, мы в первую очередь отмечаем и феномен её жизнеспособности. При обращении к истории белорусской книги невольно возникает вопрос: что же составляет феномен её жизнеспособности? Как удавалось и удастся жить и выживать белорусской книге? Подобный вопрос можно отнести и в целом к белорусской нации. Рассмотрение поставленных вопросов в общем пространстве культуры позволяет эксплицировать их не столько как дихотомические, а скорее как взаимообусловленные и находящиеся в тесном взаимовлиянии процессы.

Следуя аксиологической концепции в определении понятия «культура», кото-

рая, в частности понимается как процесс реализации всеобщих ценностей в течение исторического развития [18, 68], правомерно применение принципа универсума в отношении книги, не только фиксирующей и распространяющей культурные достижения, но и формирующей новые культурные ценности [9, 51]. Сущностным определителем понятий «книга» и «культура» выступает, как подтверждается рядом учёных, ценностный концепт [21, 518]. Книга как универсум культуры представляет, таким образом, объективную реальность фиксированных ценностей, существующих во времени и пространстве. Одновременно книга является и сама ценностью, в чём проявляется её

феноменологическая особенность в культуре, основанная «на неисчерпаемости культурного текста и духовного потенциала книги, организации её в богатейшую знаково-символическую систему, уникальном влиянии книги на ход культурно-исторического процесса, функционирования её в качестве необходимого условия существования социокультурных институтов» [3, 16–17]. Книга как универсум национальной культуры, на наш взгляд, представляет высший, ценностный уровень национальной книжной культуры, которая общечеловечна по содержанию и национальна по форме.

Как отмечают белорусские культурологи, история культуры Беларуси основана, прежде всего, на книжной культуре, которой всегда были присущи как разнообразие, так и инвариантность [3]. Национальная книга – это то пространство культуры, где нашли отражение выработанные нацией ценности и смыслы, ставшие основой её существования и идентификации, формирования национального самосознания. Ценность национальной книги – в сохранении во времени и пространстве мысленного кода национальной культуры, тесным образом связанного, по нашему мнению, с менталитетом нации, её языком и письмом, т. е. с духовной культурой.

«Семантической единицей духовной культуры, – как отмечает белорусский философ Николай Крюковский, – её, так сказать, квантом, с семиотической точки зрения, выступает знак-символ, а реальной формой существования такой симво-

лично-знаковой системы оказывается язык» [13, 8]. Таким образом, язык может рассматриваться как форма духовной культуры, её внешнее, чувственно-материальное воплощение, как текст, выступающий носителем духовного содержания. Содержательная, смысловая сторона предмета духовной культуры отражает именно общее, единое, целостное, внутреннее универсума, формальная же, текстовая его сторона – особенное, многое, частное, внешнее универсума [13, 93].

Преемственность в историческом развитии культуры обеспечивается через язык непосредственно (текст) и опосредованно – через теоретическую, эстетическую и философскую интерпретацию культурного наследия. Исторический опыт свидетельствует, что язык народа – это знаковое, образное и символическое отражение его бытия и культуры, точное, хотя часто и «зашифрованное», выявление его основных этнографических характеристик, культурных заимствований и влияний [12, 357]. Родной язык – это огромный вклад каждого народа в универсум общечеловеческой культуры. Однако ситуация «один язык – один народ» является типичной, скорее всего в идеале, чем на практике. Вместе с тем язык является ценнейшим достоянием народа, его очевидным отличием, а чувство единства языка – одним из основных компонентов национального самосознания [19], выступающего также сущностным признаком национальной культуры.

Изменения, которые происходили в книжной культуре Беларуси, непосред-

твенно отражавшиеся в языке и письме, свидетельствовали о политических, идеологических, религиозных, культурных приоритетах в то или иное время, составлявших основу формирования общественного сознания: коллективного, национального, индивидуального. Особую роль здесь необходимо отвести ментальным процессам белорусов, вкладывающим внешний мир в понятную схему-картину, пользующимися его ценностями, создающими «свою» историю, «своё» пространство жизнедеятельности. Особенности формирования ментальности белорусов во многом предопределило нахождение Беларуси между двумя мощными этническими (поляки и русские) и цивилизационными (Запад и Восток) ареалами при доминирующем социально-политическом факторе [20, 60]. Белорусская особенность, как отмечает белорусский литературовед Пётр Васюченко, основывается на том, что «мы начинаем придумывать себя после того, как нас уже кто-то придумает». Чужая мысль заставляет думать о себе самому и уже в целях сохранения [5]. В некоторой степени с этим связаны и сложности идентификации белорусской книги, белорусских авторов, белорусского языка, белорусов и Беларуси. Специфический путь развития национальной культуры Беларуси заключается в чередовании периодов относительного упадка и более или менее продолжительных стадий ускоренного усвоения ею отечественного и мирового духовного опыта, которые получили название культурно-

национального Возрождения, основывающегося на провозглашении родного языка первой духовной ценностью [12]. Данное положение имеет все основания быть подтверждённым в первую очередь книжным наследием Беларуси, которое, однако, ещё до сегодняшнего дня с книговедческой точки зрения является недостаточно изученным и комплексно, всесторонне не оцененным, что предопределяет и рассмотрение данных обширных и глубоких вопросов пока только с точки зрения выявления их основных концептуальных подходов.

Уже на протяжении периода существования древней Беларуси в её духовной жизни, кроме достаточно выразительных признаков и черт культуры, общих для всех восточнославянских племён, прослеживаются собственно свои, местные, которые нашли отражение в белорусской книжности. Рукописная книга XI–XIII вв. была тесно связана с процессами этно-, социо- и культургенеза и отражала в своём начале не столько влияние византийской идеологии или киевских «великодержавных» устремлений, сколько последнюю фазу глобального процесса разветвления славянства, дифференциации его культур [6, 94]. Одновременно «для восточных славян и в XI веке, и в веке XV быть «руським» означало принадлежать к языковой и конфессиональной общности, которая отличалась и от Византии, и от степного мира, а также и от «латинского» христианства [17, 38–39]. Единство культурного пространства в значительной степени

обуславливалось общим мировосприятием и вероисповеданием, отражающим на протяжении шести веков книжной культуры Беларуси – XI–XVI вв. – приоритет кириллической графики, церковнославянского и старобелорусского языков. Церковные и монастырские библиотеки, которые возникают в XI–XII вв., становятся основными центрами книжной культуры, где собираются и переписываются книги, например библиотека Полоцкого Софийского собора (1066 г.). Создаются частные библиотеки: полоцких князей, Кирилла Туровского. Появляются переводы и оригинальные произведения. Идентифицированное белорусское книжное наследие XI–XIII вв., сохранившееся и дошедшее до наших дней, составляет около 10 книг (около 2 % от общего количество – около 500 экземпляров – сохранившихся рукописных книг этого периода древней Руси) [7, 22]. Однако «палеославянский язык и комплекс текстов, созданных на нём, рассматриваются как культурное богатство, общее для всего православного славянства» [6, 86].

Уже в XI–XIII вв. в древней Беларуси благодаря в большинстве своём болгарско-византийскому влиянию (трансплантации, переводам, трансформации) складываются основные типы рукописной книги: богослужбная, религиозная читальная и «полусветская», преобладающими функциями которых являлись сакральная и эстетическая. «Образцовая» книга становится одновременно и своеобразным ускорителем в генезисе оригинальной

книги. Как отмечается белорусскими филологами, в процессе создания оригинальных рукописных книг (XI в.) отразилось формирование исторического сознания – это, в первую очередь, летописание, агиография. В оформлении рукописной книги также проявляются некоторые региональные особенности, основанные на влиянии европейской книжной культуры – *Кодекс Гертруды* (Трирская Псалтырь, X в.) с миниатюрами и молитвами туровского происхождения XI – начала XII в.; *Туровское Евангелие* (XI в.), *Полоцкое Евангелие* (XII в.) с использованием немецкой технологии живописи серебром, *Оришанское Евангелие* (XII–XIII вв.). Создание книг было подчинено в основном двум задачам – богослужбной и морально-дидактической, направленным на распространение и укрепление христианства, борьбу с язычеством, укрепление княжеской власти.

Культура Беларуси второй половины XIII – середины XIV в. оставалась теоцентрической. Однако, находясь в пространстве теоцентрического типа общественного сознания, книжная культура этого периода свидетельствует уже о появлении нового культурно-исторического пространства, связанного с процессом формирования новой этнополитической и культурной консолидации – Великого княжества Литовского. Внешне этот период, представляющий собой переходное время, выглядит, как отмечают белорусские литературоведы, неблагоприятным в отношении новых начинаний в развитии

кириллической книжности, поэтому его называют периодом «литературной консервации», когда основной задачей являлось сохранение преемственности между книжниками разных поколений, сохранение созданного в прошлые годы, «чтобы вообще не разучиться писать и читать на славянском языке» [6, 86]. Для этого периода характерна переписка и постепенное распространение, усвоение ранее созданного книжного наследия в новонарождающемся пространстве полиязычия и поликонфессиональности. Таким образом, благодаря книжной культуре шёл процесс формирования характерных черт белорусской ментальности и белорусской культуры – способность пересохранять, выживать и, творчески переосмыслив достигнутое ранее, возрождаться [6, 93].

Позднесредневековая книга Беларуси (вторая половина XIV–XVI в.), в большинстве своём, оставалась церковной по содержанию и богослужебной по назначению. Однако в православной книжности отмечается, начиная со второй половины XV в., использование белорусского типа церковнославянского языка (до XVIII в.), т.е. адаптация славяно-византийских традиций к родному языку. Характерным примером тому служит *Новоградский пролог* 1512 г. Наряду с белорусским и церковнославянским языками в XV в. всё большее значение приобретает латинский (использование в деловом письме с XIII в.) и польский языки. Соответственно репертуар белорусской книжности начинает изменяться и пополняться, в том

числе, богослужебными рукописными книгами на латинском и польском языках, которые не только привозятся, но и переписываются в том числе и в белорусских монастырях (с XVI в.). Латинская графика используется и для передачи белорусскоязычных текстов.

В культурной жизни ВКЛ получают распространение произведения светского характера, свидетельствующие о развитии светского общественного самосознания. Происходит размывание внутреннего идейно-структурного единства религиозной культуры, напоминающее процесс выработки белорусского варианта церковнославянского языка, и формирование национальных языков, культур, подтверждением чего и являются созданные, в том числе, значительные книжные памятники Беларуси этого периода (*Онежская Псалтырь XIV в.*, *Лавришевское Евангелие, XIV в.*, *Десятиглав, начало XVI в.* и др.). В оформлении рукописных книг Беларуси вместе с распространённым тератологическим стилем, начиная с XIV в., наблюдаются черты готического стиля, отмечаются иные подходы в конструировании и композиции книжного текста [16]. О довольно высоком уровне белорусской книжной культуры свидетельствует выполнение старобелорусским языком государственных и официальных функций, что содействовало развитию делового письма, письма читальных книг, а также большему распространению полуустава и формированию на его основе белорусской скорописи.

Развитие книжной культуры Беларуси происходило в условиях широких международных связей через многоаспектное переосмысление духовного наследия Средневековья в контексте тех задач, которые ставились перед молодой белорусской народностью в деле укрепления феодальной государственности, через преодоление традиций былой славяно-византийской культурной зоны. Новое культурно-историческое пространство, где господствовала готика и развивались предвозрожденческие, раннегуманистические и предреформационные идеи, оказали значительное воздействие на формирование и укрепление на этом пространстве национальных традиций книжной культуры, в значительной степени отражавших переход к антропоцентрической системе духовных ценностей.

Как старобелорусский язык, так и графика его передачи в рукописных книгах претерпевали изменения, были подвержены взаимовлияниям, однако необходимо отметить, что данные процессы, с позитивной точки зрения, только разнообразили книжную культуру Беларуси, содействовали восхождению к культурному универсуму, формируя пространство толерантности и веротерпимости. Одновременно приближение белорусской книги к общеевропейским культурно-историческим типам и стилям носило частичный и избирательный характер при сохранении адаптированных к родному языку славяно-византийских традиций кириллической книжности.

Полиэтнический и поликонфессиональный состав населения на территории Беларуси в ранний период становления нации (время Великого княжества Литовского) расширял и границы её книжной культуры, одновременно придавая разнотнической книге и определённые региональные или национальные (сегодня можно было бы сказать – белорусские) черты, что отражалось в формировании особых типов книг (в оформлении, содержании), как например, *Хамил* – рукописный сборник белорусских татар, латинографические рукописные сборники на белорусском языке, издания Франциска Скорины, Петра Мстиславца, Мамоницей, Виленского братства и др.

Сегодня в мире сохранилась, как отмечает Юрий Лабынцев, около четырех тысяч экземпляров всех изданий кириллического шрифта XV–XVI вв., половину из которых составляют белорусские [14, 261]. Пространство книжной культуры Беларуси не было закрытым, о чём свидетельствуют как переводы книг, так и их создание на других языках: латинском, польском, еврейском, тюркском, использование различной графики: латиницы, кириллицы, греческого и арабского шрифта.

В общем потоке издательского репертуара книг Беларуси уже до 1596 г. большую часть (количественную) составляют издания на польском и латинском языках, четверть – на «славенской» и старобелорусской мовах, па адной на грэчаскай і італьянскай» [14, 246–247]. Однако бе-

лорусская кириллическая печатная продукция, как отмечает, Ю. Лабынцев, во многом богаче, представлена тысячами авторов, произведений самых разнообразных жанров и форм [14, 249].

Эпоха Возрождения, принёсшая значительные изменения в книжную культуру Европы, стала и для Беларуси золотым веком в развитии её книжности, вступившей на путь книгопечатания и следовавшей гуманистическим идеям (Ф. Скорина, С. Будный, В. Тяпинский и др.). В историческом плане ренессансной культуры Беларуси выделяется ранний Ренессанс (первая половина XVI в.), характеризующийся христианским универсализмом и патриотизмом, представленными книжными изданиями Ф. Скорины (*Библия*, 1517–1519; *Малая подорожная книжка*, около 1522; *Апостол*, 1525), произведениями Яна Вислицкого и Николая Гусовского, *Статутом ВКЛ* 1529 г., ранним белорусскоязычным творчеством С. Будного. Книжное наследие Позднего Ренессанса (вторая половина XVI – начало XVII в.) составляют в основном реформационные и католические издания. Единство божественной и людской мудрости, христианской духовности и античного эстетизма составляет основу ренессансного синтеза белорусской культуры. В содержании (особенно в предисловиях и комментариях) ряда старопечатных книг Беларуси второй половины XVI в. отмечается и понимание роли родного языка в духовной культуре, озабоченность его положением в социуме. Так, в предисло-

вии к *Катехизису* (Несвиж, 1562) Сымон Будный отмечает, что посвящает эту книгу «для много слушныхъ причинъ [...], абы ся Ваши Княжацкие Милости не только в чужоземскихъ языцехъ кохали, але бы ся тежъ Ваши Княжацкие Милости того народу здавна славного языка словенъского розмиловати и онымъ ся бавити рачили, въ которомъ давньные предъки и Ихъ Княжацкие Милости панове отци Вашихъ Княжецкихъ Милости славнее преднейшие преложеньства несутъ» [11, 15].

В целом, как отмечает белорусский культуролог Игорь Ширшов, «ренессансная культура Беларуси, как и других стран Запада, получила высокое развитие, чего нельзя сказать о культуре Московского государства этого периода, где не было Ренессанса» [22, 153].

Вторая половина XVI–XVIII в., время интенсивного польского и западного влияния, результаты которого в XVII–XVIII вв. свидетельствовали не столько об упадке в истории старопечатной кириллической книги Беларуси (основная сфера распространения – церковная, содержание – религиозное), сколько об активном латино- и польскоязычном книгоиздании, заполняющем основную часть репертуара светской книги (научной, исторической, художественной и др.). Так, из общего количества книг, изданных в XVI – первой половине XVII в. на территории ВКЛ, на польском языке напечатано 46 %, латинском – 38 %, на белорусском и церковнославянском – 10 % [6, 257]. Библиотечные собрания (особенно количественные и со-

держательные показатели частных и научных книжных коллекций) этого времени отражают значительное влияние западноевропейской, польской книжной культуры [8; 1]. Если мы обратимся к истории народов Европы эпохи Просвещения, то заметим, что это было время разделения культур высшего и низшего классов. Каждый из классов в прямом смысле говорил на своем языке. Книжным языком являлся, в основном, язык двора (королевского, царского) [4, 302–309]. Всё-таки интерес к народной культуре и включение текстов на народных языках в издания постепенно возвращается (напр., белорусские польскоязычные интермедии XVIII в.).

Идейные истоки Просвещения в Беларуси, органически связанного с польской и русской культурами, просветительским гуманизмом, нашли отражение в произведениях и деятельности таких мыслителей, как Казимир Лыщинский, Симсон Полоцкий, Илья Копиевич, Казимир Нарбут, Михал Почобут-Одлянчик, Иахим Хрептович, Игнатий Быковский, Якуб Ясинский и др. Значительное влияние на распространение идей Просвещения в Беларуси имела Эдукационная комиссия, Виленский университет (филареты и филоматы). На латинском и польском языках создаются и выходят в печати первые художественные произведения белорусских авторов.

Большую роль в становлении белорусского книжного искусства в XVII–XVIII ст. сыграли Виленская и Могилёвская гравёрные школы (Тамаш Маковс-

кий, Александр и Леонтий Тарасевичи, Василий и Максим Воцанки, Фёдор Ангилейко), способствовавшие формированию самобытного подхода и национального колорита в книжной иллюстрации, высокого профессионального мастерства – *Панегирик братьев Скарульских* (1604), *Гипика* (1620); *Розариум* (1672), *Акафист* (1698), *Небо новое* (1699) супрасльские издания XVII в. и др. Как отмечено белорусским искусствоведом Виктором Шматовым, в своём развитии белорусская гравюра прошла через все стили, которые известны в искусстве – “готыку і Рэнесанс (дрэварыты Ф. Скарыны), ман’ерызм (гравюры П. Мсціслаўца), барока (творы Аляксандра і Лявонція Тарасевічаў, Васіля і Максіма Вашчанкаў)” [2].

В новой просветительской среде шло и формирование белорусского языка: польская культурно-языковая экспансия не столько вытеснила белорусский язык из книжной сферы, сколько придала ему отличительные национальные особенности. Как народная культура, так и старобелорусское письменно-культурное наследие, получившие возможность европейского приближения, частично адаптировавшие его, одновременно не утратили своего языка, письма, традиций, а в последующем столетии стали основным источником их нового возрождения.

Конец XVIII–начало XIX в. – время активных нациотворческих процессов у ряда колониально зависимых народов, в которых немаловажную роль играла и печатать на национальных языках. На протя-

жении XIX в. шёл эволюционный поиск определения той или иной формы белорусского языка: польско-латинской или русской. В первой половине XIX в., когда в книгоиздании и книгораспространении Беларуси преобладающее положение занимал польский язык (до 1864 г.), появляются и первые издания на белорусском языке (латиницей). Несмотря на интенсивный процесс русификации во второй половине XIX – начале XX в. и преобладание русскоязычной книги в общем издательском репертуаре Беларуси, статус белорусского наречия или говора (каким считался белорусский язык в Российской империи) эволюционирует до языка (вопреки непризнанию)¹, используя для своего выражения разные формы (однако с преобладанием кириллической). Решающую роль в этом процессе, несомненно, сыграло возникновение национальной печати (газета «Наша Нива») и книгоиздания (белорусские издательства в С.-Петербурге, Вильне, Минске в начале XX в.), ставших уникальным феноменом не только нобилизации нового белорусского языка, литературы, книги, культуры, но и белорусской нации.

В целом за период существования Беларуси в составе Российской империи

¹ Распространено мнение о запрещении царским правительством белорусского языка, однако, как подтверждено и исследователями (А. Шлюбским, В. Герасимовым), принятие подобного царского указа было бы одновременно и признанием белорусского языка, однако такого не случилось.

белорусскоязычные книжные издания составили по нашим подсчётам около 7 % от всего репертуара изданий Беларуси. Однако и русскоязычные, и издания на других языках Беларуси этого периода представляют белорусскую книгу – по авторскому составу, местной тематике в содержании. В общем же потоке изданий Российской империи книги Беларуси – это соответственно очень незначительный процент. Основной книжной продукцией, активно распространяемой на территории Беларуси и заполняющей фонды библиотек, книжные магазины, были русскоязычные петербургские и московские издания. В советский период процессы русификации продолжались, хотя отмечались и годы относительно успешного развития белорусскоязычной книги и книгоиздания на других языках. Таким временем в БССР, например, были 1921–1940 гг., когда средний показатель изданий на белорусском языке составил 58,2 %. В 1945–1990 гг. процентное соотношение белорусскоязычной и русскоязычной книги, как в издательском (и особенно), так и торговом ассортименте было не в пользу первой и имело тенденцию постоянного снижения: средний показатель за этот период в книгоиздании – 30,1 %.

В современном книгоиздательском потоке страны белорусскоязычная книга составляет также всего 7–8 % (!) [10], основной на книжном рынке Беларуси является русскоязычная книга (90 %), в библиотечных фондах преобладает также русскоязычная книга. Так в каком же со-

стоянии находится пространство книжной культуры современной Беларуси, о чём свидетельствует, что формирует? Возможно ответ – это необходимость нового Возрождения.

Таким образом, предполагаемая глупина идентификации белорусской книги (до индивидуального уровня текста – письмо-графика – и контекста – язык-содержание) даёт возможность раскрыть её ценностный концепт. Единство же разнообразия фиксированных ценностей белорусской книги как универсума нацио-

нальной культуры могут составлять *письмо* (кириллическая, латинская, арабская графика), *язык* (церковнославянский, старобелорусский, латинский, польский, белорусский, русский, еврейский, тюркский и др.), *авторство*: текстов и оформления (русины, литвины, белорусы и др.), что позволяет конструировать историю национальной книжной культуры на уровне духовной, материальной и художественной культуры, отражая причинно следственные связи между различными явлениями в развитии общества, социума.

ССЫЛКИ

1. TOPOLSKA, M. B. Książka na Litwie i Białorusi w latach 1553–1660. In *Odrodzenie i reformacja w Polsce*. 1976, t. 21, s. 145–164.

2. *Беларуская станковая графіка*. Аўтар-складальнік В.Ф. Шматаў. Мінск: Беларусь, 1978, с. 5–6.

3. БОЛОТОВА, Ю. Г. *Книга как социокультурный феномен в контексте современной белорусской культуры*: диссертация на соиск. уч. степени канд. культурологи; 24.00.01. Белорусский университет культуры. Мінск, 1999.

4. БЭРК, П. *Народная культура Эўропы ранняга Новага часу*. Пер. з англ. І. Ганецкай; пад рэд. А. Ліса. Мінск, 1999.

5. ВАСЮЧЭНКА, П. Беларус вачыма беларуса. Беларус мiфалагізаваны, гістарычны, рэальны. *Arche*, 2004, нр. 4, с. 115.

6. *Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў*. У 2 т. 2 выд. Мінск: Беларуская навука, 2007, т. 1, с. 94.

7. ГРУША, А. І. *Беларуская кірылічная палеаграфія*. Мінск: БДУ, 2006.

8. ДАРАШКЕВІЧ, В. І. Лацінскія кнігі ў

прыватных бібліятэках на Беларусі. In *Из истории книги в Белоруссии*. Мінск, 1976, с. 58–73;

9. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, В. В. Книга как универсум культуры (к постановке проблемы). In *Библиотека в эпоху перемен (философско-культурологические и информационные аспекты)*: инф. сб. (дайджест). Москва, 2002, с. 51. (РГБ. Информкультура).

10. ДОЎНАР, А. І. Кнігавыдавецкая дзейнасць Мінска ў кантэксце сучасных тэндэнцый развіцця кніжнай справы Беларусі. In *Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры*: зб. навук. арт. Мінск. 2008, вып. 2, с. 203.

11. *Катэхізіс*: помнік беларускай Рэфармацыі XVI стагоддзя. 2 выд. Мінск: Юніпак, 2005.

12. КОНАН, У. М. Мова і культура. In *Беларуская мова*: энцыклапедыя. Мінск: БелЭн, 1994, с. 357.

13. КРУКОЎСКІ, М. І. *Філасофія культуры*: уводзіны ў тэарэтычную культуралогію. Мінск, 2000.

14. ЛАБЫНЦАЎ, Ю. *Пачатак Скарынам*: Беларуская друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу. Пер. з рускамоўн. арыг. С. Шупы. Мінск, 1990.
15. ЛАЎРЫК, Ю. Найдаўнейшыя беларускія кніжніцы. Прыватныя кнігазборы. *Роднае слова*, (Мінск), 2006, нр. 4, с. 80–83.
16. НІКАЛАЕЎ, М. Рукапісная кніга. In *Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя*. У 2 т. Мінск: БелЭн, 2006, т. 2, с. 517.
17. ПІККИО, Р. *Древнерусская литература*. Москва, 2002.
18. РИККЕРТ, Г. *Философия жизни*. Киев, 1998.
19. СУПРУН, А. Я. Мова. In *Беларуская мова: энцыклапедыя*. Мінск: БелЭн, 1994, с. 353.
20. ЧУВАК, С. Ментальнасць беларуса: стэрэатыпы і рэальнасць. In *Нацыянальныя пытанні: матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый”* (Мінск, 21–25 мая, 4–7 снежня 2000 г.). Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001 (Беларусіка=Albarutenica; кн. 22).
21. ШЕМЕТОВА, Е. П. Ценностное содержание книжной культуры. In *Наука о книге. Традиции и инновации: К 50-летию сборника “Книга. Исследования и материалы”*: материалы XII Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения (Москва, 28–30 апреля 2009 г.): в 4 ч. Москва, 2009, ч. 1.
22. ШИРШОВ, И. Е. *Теория и история культуры*. Минск: БГЭУ, 2002.

THE BELARUSIAN BOOK AS A UNIVERSUM OF THE NATIONAL CULTURE

LARISA DOVBNAR

Summary

The basic purposes of the research are to reveal the Belarusian book phenomenon in the axiological context and to determine the fundamental components of the Belarusian book as a universum of the national culture.

In the article, the application of the principle of universum is considered in relation to the book. The book fixes and spreads new cultural achievements; it forms new cultural values. The book as a universum of national culture, in the author's opinion, is the objective reality of the fixed values which exist in time and space, and the book is a value itself.

The theoretical and historical principles of the research are based on works of Belarusian scientists and permit to make clear the author's statement that the value of the national book consists in the preservation of the thought and

image code of the national culture, which is connected with mentality, language and writing of the nation, i.e. with its spiritual culture.

As a result a review of the Belarusian book evolution (11th–21st centuries) the author has made a conclusion that the unity of the fixed values of the Belarusian book as a universum of the national culture is compiled by *writing* (Cyrillic, Latin, Arab graphics), *language* (Church Slavic, Old Belarusian, Latin, Polish, Belarusian, Russian, Jewish, Turkic and others), *authorship* of texts and design (the Ruthenians, the Litvins, the Belarusians and others). The conclusion permits to reconstruct the book culture history on the spiritual, material and artistic culture levels with illustrations of cause–effect relations among the different phenomena of society development.

BALTARUSIŲ KNYGA KAIP NACIONALINĖS KULTŪROS UNIVERSUMAS

LARISA DOVNAR

Santrauka

Pagrindinis straipsnio tikslas – atskleisti baltarusių knygos fenomeną aksiologinės koncepcijos kontekste, išsiaiškinti baltarusių knygos, kaip nacionalinės kultūros universumo, esmę. Straipsnyje svarstomas universumo principo taikymas knygai, kuri ne tik fiksuoja ir skleidžia kultūros pasiekimus, bet ir formuoja naujas kultūrinės vertybes. Autorės nuomone, knyga, kaip kultūros universumas, sudaro objektyvią tikrųjų vertybių, egzistuojančių laike ir erdvėje, realybę, pati būdama vertybė.

Teorinės ir istorinės tyrimo, pagrįsto daugiausia baltarusių mokslininkų darbais, prielaidos padeda išplėtoti autorės teiginius, kad nacionalinės knygos vertė – tai nacionalinę kultūrą palaikančio minties ir jos vaizdinių kodo,

susijusio su nacijos mentalitetu, kalba ir raštu, t. y. dvasine kultūra, išsaugojimas.

Išnagrinėjusi baltarusių knygos raidą XI–XXI a., autorė prieina prie išvados, kad baltarusių knygos, kaip nacionalinės kultūros universumo, fiksuotų vertybių vieningą įvairovę sudaro raštas (kirilikos, lotynicos, arabų grafika), kalba (bažnytinė slavų, senoji baltarusių, lotynų, lenkų, baltarusių, rusų, žydų, tiurkų ir kt.), tekstų ir apiforminimo autorystė (rusėnai, lietuviai, baltarusiai). Visa tai leidžia knygos kultūros istoriją suvokti kaip dvasinės, materialios ir meninės kultūros pagrindą, parodant įvairių visuomenės (sociumo) vystymosi reiškinių priežasties ir pasekmės ryšius.

Įteikta 2009 m. gruodžio mėn.